

**Бюджетное учреждение культуры
Тюкалинского муниципального района
Омской области
«Централизованная библиотечная система»
Сажинская сельская библиотека - филиал**

ПРОЕКТ

А. Афоино

Б. Березовка

О. Окуневка

П. Половинка

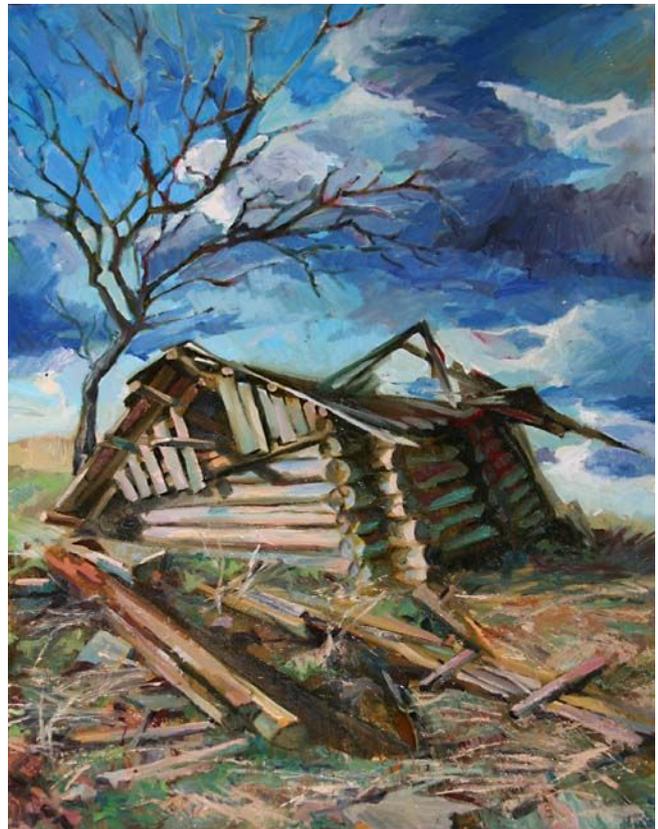
«Истории
исчезнувших
деревень»

Ушедшие и уходящие в небытие русские деревни. Сколько их? Какие названия они носили? Кто в них жил? Тихо и незаметно уходят они из нашей памяти. Иногда так складывается жизнь, что помочь деревне нельзя и спасти её некому. И всё же боль потери сильна. Ведь с каждой исчезнувшей деревней теряется часть духовности, культуры, милосердия, нравственности народа, изменяется исторический образ Родины.

Деревни стояли века. Их защищали, за них дрались, в них жили, любили.... А уходят они при полном молчании. Словно провинились перед нами. Мы не должны похоронить вместе с ними и свою память.

Пока ещё не поздно, мы должны вслушаться в голоса былого. Есть ещё люди, не забывшие прошлого, и готовые поведать нам о том, что было.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
А.С. Пушкин

«С малой Родины начинается Россия»

Странное это, почти необъяснимое чувство...

Давно уехал человек из родных мест, и чего только не повидал, на что только не нагляделся.

А вот легла перед ним совсем недалёкая дорога, и где то у какой – то маленькой деревушки, человек взглянул в окно автомобиля, да так и застыл у него.

Человек глядит, глядит, не отрываясь, на эти луга, на эту дорогу, в них пропадающую, и глаза его неожиданно влажнеют, заволакиваются горячим туманом, а к горлу подкатывается сладостно - горький ком.

Да в чем дело?

А дело в том, что человек увидел за окном не просто какую-то дорогу меж лугов и какое – то озеро – он увидел родные места, он увидел свою малую родину. В этом озере он купался и ловил гольянов, а по этой дорожке когда – то, давно топтали его босые пятки. И на этом поле ему памятен каждый бугорок, как памятна ему каждая березка в том светлом перелеске.

То место где мы родились и выросли, мы почему-то любим особой любовью.

Если открыть карту практически любого района нашей Омской области, закрыть глаза и ткнуть в неё карандашом то с вероятностью 90%, а может и больше, мы попадем в населенный пункт. И ещё с такой же вероятностью это будет деревня, а если даже и попадем в пустоту на карте, то вполне возможно,

тут когда то была деревня, но теперь её нет. Плотность таких небольших деревень на 15 км. просто поражает. Например вокруг нашей деревни Сажино, я даже не возьмусь посчитать сколько их было- Березовка, Окуневка, Шипачи, Красный Шар, Афоново (Кривинка), Половинка, Звероферма, Рахмановка. Село за селом, словно бусы на нитку нанизаны на плохонькую грунтовую дорогу. Больше половины из них исчезли, от которых или вообще ничего не осталось, они «вычисляются» только по одичавшим плодовым деревьям или по кладбищам. Некоторые из них продолжают существовать, и представляют весьма удручающий вид, напоминают пейзажи как в игре «Сталкер». Обычно в них доживают свой век старики. Продукты привозят только один раз в неделю. В деревнях, которые раньше процветали и были огромными селами, сейчас полная разруха. Конечно, те населённые пункты которых уже нет на карте, скорее всего никогда уже не вернуться и останутся только в памяти тех, кто здесь когда то родился и провел детство. Но те которые ещё живут и даже доживают своё, возможно и возродятся, но уже немного в другом виде.

Пять деревень были ликвидированы по программе
«Ликвидации бесперспективных деревень»

*Березовка;
Окуневка,
Половинка,
Афоново /Кривинка/
Поселок Лесной /Звероферма/*

Деревня Афоново - /Кривинка/ Образовалась в 1825 году

1852 году за непослушание из Тульской губернии было выдворено **65** крестьян «за упорство, которое может иметь неблагоприятное влияние на других крестьян» в Сибирь. **16** человек прибыло в Кабырдакскую волость.

Другую часть ссыльных из Тульской губернии **280** человек выселили воинской командой и отправили зимой в зипунах и лаптях и поселили в д. Афоново и д. Половинной, «корм ссыльные должны были получать от обывателей, т.е. кормиться милостыней».

Из воспоминаний Басюковой Нины Ивановны – жительницы деревни Красный Шар. Родилась в Тюменской области. Замуж вышла в Афонино за красивого, крепкого парня Басюкова Николая.

В Афонино родила двух сыновей Сашу и Валеру, а Таня родилась уже в Красном Шаре после переезда.

Как жили, да как все – вспоминает Нина Ивановна. Прошлое ведь никуда не уходит, - оно всегда с нами, хотя упрятано в память.

Понятно, закон избирательности памяти – что- то забывается, а что- то другое выступает с особой четкостью.

Нина Ивановна смотрит в окно, а память там, далеко.

Деревенька наша была небольшая, в одну улочку, в стороне от больших дорог. Но деревня Афонино была очень приветливой. Жила широко, раздольно и весело, без оглядки, не боясь жизненных невзгод, которую всколыхнула, изменила, пожалуй только война, а так жизнь протекала однообразно. На фронт проводили больше 10 человек. Вернулись двое. Самой большой новостью за день было, когда приходила почта, рождалось дитя, была чья-нибудь свадьба или кто ни будь умирал. Сельчане все знали обо всех, казалось лучше, чем о себе. Деревенька находилась около озера «Большое Кривое», (отсюда и второе название Кривинка).

Афонино окружали леса с большими деревьями, поля, болота, озера. Место, на котором осели Афонинцы, хорошее люди поселились возле озера Большое Кривое. Летом день- деньской бултыхаются в нем ребятишки. На место одной, уже посиневшей, покрывшейся гусиной кожей ватаги прибегают другие. Ребятишки ложатся на резиновые, надутые баллоны, и озеро бережно, и великодушно покачивает их на своих волнах.

В озере много рыбы – хватает круглый год и свежей рыбы и сушеной, сами вволю ели и продавали, хорошую копейку брали.

Сколько рыбалок удивительных, похожих и не похожих одна на другую. Все они со временем перепутаются, вклинятся одна в другую, отдалятся в прошлое, но рыбалка, никогда не изгладится из сердца и из памяти.

Появилась рыба, веселее стало жить. Теперь и на столе по-другому все выглядело. Почти каждый день рыбные пироги – курники. И наваристая душистая уха, щерба по Сибирски. Подливая из чугунка уху хозяйки приговаривали: «Ловись, рыбка и большая и маленькая – соленая и вяленая. Ты карась с крючка не слазь». Не знали люди горя и с сеном: место вокруг низкое, сырое – трава растёт в пояс, душистая сочная. В лугах разнотравье очень красивые цветы. И коровы охотно едят и кони. Летом в лесах близ Афонино собирали ягоды – землянику, костянку, смородину. Грибов в лесах было видимо – невидимо, хоть лопатой гребли. Заготовливали и солили целыми бочками. На всю зиму хватало. Зимы стояли холодные, снега насыпало выше плетней и заборов, от мороза трещали углы хат и хлебов, по ночам густо ложился иней, выбеливал крыши, деревья, даже казалось, и небо. Утром, когда всходило солнце, невозможно было выйти из дома. От холода горели щеки. Но днем мороз немного спадал. Пригревало, солнце висело низко и тепло светило, небо было голубое, по нему плыли белые, по краям

слегка подсиненные облака, а снег сверкал, переливался разноцветными красками, даже болели от него облака.

А какое веселье было для деревенской ребятни, кто на лыжах, кто на санках катались с горок. Дома никто не усидит.

А в избах зимой все как у всех:

**Откроешь дверь, и пар из сенок
Ворвется в избу,
Где двухнедельный поросенок
Исходит визгом,
Где маленький, глазастый, рыжий,
Весь как из воску,
Теленок одержимо лижет
Со стен известку.
У печки поило для теленка
В кастрюле стынет.
И виден из окна закат,
Рябой и синий.
Петух оглядывает чад
И зло, и мутно,
И куры муторно кричат
И поминутно.
А на печи здоровый кот
От спячки пухнет...
Вот, в основном, какой народ
Зимует в кухне.**

А вечером конечно в клуб, всей гурьбой, привозили кино. Клуб в Афонино хоть небольшой, но теплый, уютный. Киномеханик Макаркин Виктор, как по заказу крутил, то про Чапая, то про Немцев. В праздник своими силами ставили концерт. Тогда все от мала до велика собирались в клубе. И на всю деревню были слышны песни. 19 января на Крещение был съезжий праздник, со всей округе съезжались родственники. Гуляли 3-4 дня. Гуляли в складчину. Пекли пироги, пряники, варили вкусную сладкую кулагу. И праздновали все от мала, до велика. Конечно и танцы были под гармошку. Вечером в клуб собирались девчата. Днем работали на морозе, коров доили в коровнике, света не было, доили с фонарями, фонари заправляли керосином, ездили вместе с мужиками в лес за дровами, подвозили корма на скотные дворы. А в сумерках, надев цветастые кофточки и навив фигурные, по афонинской моде, кудри, сходились в клуб. Погрысть семечки, посмеяться и если выпадет такое счастье – уговорить Варвару Бахереву сыграть на гармошке. Девчонки всю использовали каждую подвернувшуюся возможность. Плясали и пели обычно до тех пор, пока местная гармонистка, и без того с отчаянным трудом выводившая несложный мотив, от усталости не начинала нести уже

совершенную околесицу. Гармошка облегченно хрюкала. На этом чаще всего и заканчивалось веселье. А утром задолго до того когда на столбе заговорит «тарелка» нет не «триколорТВ» а обыкновенное радио, все давно уже на дойке.

Доярками работали: Баранова Н.Д., Ерович Надя и Дуся, Басюкова Нина, Овчинникова Катя. Крутился движок. Мещеряков Г.Д., его запускал.

Было 2 ветряка, один для деревни, другой для фермы.

Была школа до 4 классов. Зимними холодными утрами, закутанные в материнские шали, с портфелями и с чернильницами в руках, шли в школу. У занесенного школьного крыльца встречала учительница. Учительницу звали Нестеренко Анна Николаевна. Учились все с охотой. В одной комнате одновременно занимались четыре класса. За первым столом первоклассники, за четвертым – по четвертому году ученики. Анна Николаевна и сама была чуть постарше переростков четвертой группы. Приносила в класс книжки, читала вслух, показывала картинки. А за двойки Анна Николаевна ругала и говорила, что пойдет в сельсовет и пожалуется председателю. Учительницу все в деревне боялись, и очень уважали. Все знали, но вслух не говорили, могла Анна Николаевна лечить маленьких детишек от испуга и грыжи. Многие к ней обращались, никому не отказывала. Закончат ученики 4 класса: родители говорили: хорошо, но из науки хлеба не вырастишь, надо помогать, идти работать в колхоз. Земля, на которой мы живем, трудимся, нас кормила, кормит, и кормить будет всегда.

Да земля кормилица. Каждую весну, необычайным, по-летнему высоким и светлым, густо – синим было небо в мае, ярко светило солнце. Люди спешили сажать картофель – всюду сильно пахло свежей пашней, навозом и пророщенной картошкой. Огурцы, помидоры, морковь, капуста всегда росли хорошо, на всю зиму запасались. Пахло еще сиренью, пахло птичьими гнездами, молодой травой, пылью, которая поднималась и долго висела в воздухе после того, как пройдет стадо. В проулке останутся сражаться козел с бараном – два давних недруга. Перед тем как ударить, баран, будет долго пятиться, чтобы грохнуть с разбегу, словно трактор. Но козел дьявольски ловок и увертлив. Встает на дыбы, бьет всем корпусом и при этом задорно мемекает. В проулке запахнет палеными рогами. Но все это быстро заканчивается, прибегает хозяин и разгоняет хворостиной драчунов.

Главное занятие – земледелие, и животноводство. В основном сеяли рожь, овёс, пшеницу, «... обрабатывалась эта земля не кое – как, крестьяне всегда

отличались трудолюбием. Урожай хватало не только на собственное прокормление, но и для скота».

Крестьяне знали. Что для того чтобы получить хороший урожай, мало хорошо обработать землю и посеять семена, нужно еще и хорошо ухаживать, удобрять, обрабатывать.

Тогда и урожай будет хороший. Трактористы всю страду жили в поле в вагончиках для отдыха. Обед варили на костре. Басюкова В.И., была поваром. Дед Антон Басюков был рабочим по подвозу дров, продуктов, кладовщиком был Сажин Михаил.

Крестьяне знали, что мало кормить корову просто досыта, - чтобы получить побольше молока и мяса, надо еще и кормить скот комбикормом и силосом. А для этого надо круглый год трудиться.

Здесь, как и во многих других деревнях нашей местности, занимались лесным промыслом. Для своих нужд изготавливали сани, телеги, колёса для них, дуги.

Как и в каждой деревне была своя кузница. Кузнецом работал Иван Канцеров. Славился на всю округу. Все жители шли к нему с разными просьбами. А в кузнице жарко, душно. Лицо кузнеца всегда красное и черное от жары и угля; на крупных каплях пота, выступивших на лбу, сверкает пламя; кузнец облизывает пересохшие губы и вытирает рукавом пот со лба, длинными клещами поворачивает на огне кусок железа, нагребает на него раскаленные угли, затем берет красный уголек и прикуривает. А потом поворачивает в огне железо, посыпает его желтеньким песочком до тех пор, пока оно не станет белым, и не начнет брызгать вверх искрами, тогда кузнец выхватит белый кусок, бросит его на наковальню и примется бить молотком. Бьет крепко изо всех сил, так и летят во все стороны горячие брызги. Так, а может немного и не так работала кузница, но работала круглый год.

А сколько названий было у колхоза?

В 1931-х годах колхоз «Заря свободы»

В 1948-49 году – объединили с Красным Шаром, колхоз «Каганович»;

Затем колхоз «Буденный»;

В 1957 году переименовали в колхоз «Рассвет»;

В 1958 году переименовали в колхоз «Ленина»;

В 1960 годах совхоз, «Тюкалинский совхоз»;

В конце 50-х. Годов началось огосударствление колхозов - перевод нерентабельных колхозов в совхозы, на государственное финансирование. Политика ликвидации малодворных сел, как правительство считало - неперспективных, продолжалась. Государство не выделяло финансовых средств и решило сэкономить на содержании малых сел. Ликвидация неперспективных сел проводилась по инициативе Советского государства и коммунистической партии, без согласования и учета мнения и интересов селян. Из воспоминаний Лобанцова А. : «Были бы наши правители мудрее и справедливее к людям-труженикам, так и стояла бы наша деревня, и не явилось бы того запустения на ее месте, и не ныло бы сердце по родным и милым местам». Государством не предусматривались финансирование, и организация переселений из неперспективных сел. Крестьян вынуждали оставлять обжитые места. Из воспоминаний Митиной В. «Сделали сокращение: телефон обрезали, школу закрыли - ребятишкам стало негде учиться, скот убрали - негде стало работать. Вот люди и разъехались».

Когда из деревни люди начали уезжать, дома опустели.

**Был огород.
В траве заглох.
Уехали из дома люди.
Скрипя, пророс чертополох
Сквозь дыры в брошенной посуде.**

**Пустые окна.
Двор пустой.
Пустые двери.
Печь пустая...
А за березой золотой –
Маячит роща
Золотая.**

Нет деревни. Остались в памяти только люди жившие в Афонино.

Фамилии тех, кто проживал в деревне в разные годы:

Трунин. Петр Николаевич

Анисимов Николай

Прокопьева Пелагея Николаевна

Лобанцов Александр Андреевич

Овчинникова Надежда

Мещеряков Иван
Басюков Антон
Лобанцова Евдокия Егоровна
Ершов Константин Григорьевич
Шпакова Мария
Шпакова Александра Яковлевна
Иванова Наталья
Верховин Филимон Кузьмич
Черемисина Евдокия
Черемисина Василиса Прокопьевна
Пискунов Николай
Верховин Кузьма Григорьевич
Шлейн Прасковья
Верховин Николай
Концеров Иван
Овчинников Данила
Мельникова Ульяна
Лобанцова Лукерья
Басконных Сергей
Овчинников Илья
Юдина Мария
Басюкова Матрена Владимировна
Иванова Агафья
Иванова Ульяна Васильевна
Лобанцов Василий
Иванова Варвара
Березина Валентина
Березин Михаил
Трунин Александр
Винокуров Иван
Многих жителей уже нет в живых.

Они остаются жить лишь в памяти людей, для которых эта деревня и всё, что вокруг неё – малая родина, которая дала им путёвку в большую жизнь! Так умирают деревни.

**Ушли последние жильцы,
Дом опустел и, охнув замер.
Один, в тоске, во все концы
Смотрел он черными глазами.
Порой он плакал, и слеза
Катилась по щеке шершавой.**

Фотографии из архива семьи Басюковых, проживавших в Афонино.

Ах, деревня... Как ты, что ты
Где вы, нынче, люди?

Где вы?

Где вы, бабы, мужики?

Где вы, девочки и девы,

Деды, парни, пареньки?

Я же помню:

нас тут было

Девяносто две души...

Было, было, но –

уплыло

Хоть, пиши, хоть не пиши...

Малая родина. Это место, где ты родился,
где обрёл своих первых друзей, где

проходит твоё детство. Кажется, это место вечное. Но, оказывается, есть на
карте нашего района места, где находились исчезнувшие ныне населенные

пункты. А ведь это чья-то малая родина! На территории Сажинской сельской администрации в современных границах есть такие места. Это бывшая деревня Окуневка.

Окуневка

В 1848 году прибыла партия крестьян из Липетского уезда.

История исчезнувших деревень известна только старожилам, доживающим свой век в родных краях. А сколько было таких деревень по России уже не вспомнит ни кто! Их нет на картах. Только в архивах остались скудные упоминания о некоторых из них.

Весь 20 век над российской деревней веяли вихри перемен. Не была деревня двадцатых годов счастливой крестьянской «страной Муравией». На смену единоличной деревне, с её патриархальным укладом, привязанностью к своему наделу, с её добродетелями и пороками, пришла новая колхозная жизнь. Сплошная коллективизация в корне изменила жизнь деревенских хлебопашцев, открыв новую страницу истории российской деревни. Разрушительной оказалась политика концентрации и специализации производства, сселения малых деревень, называемых неперспективными. Цель благая – в крупном селе легче организовать машинное производство, обеспечить население комплексом разнообразных услуг.

Людей насильно переселяли с насиженных мест, укрупняли села, загоняя крестьян в узаконенное рабство. А опустевшие деревни ветшали унося с собой культуру крестьянства, его быт и бывшее величие.

Время идет и постепенно исчезают те тонкие нити, которые еще способны выдернуть из глубин веков историю исчезнувших деревень, донести до потомков названия этих небольших населенных пунктов, особенности их появления. Наши предки очень скрупулезно подходили к месту выбора поселения и это было неспроста.

Переселенцы - бедняки были размещены у озера Окуневка, что и положило начало деревни Окуневка. Красивый сибирский край, на возвышенности которого выросло это поселение, богат был щедрыми на дары лесами и плодородной землей, на которой жители Окунево

занимались скотоводством (чему очень помогало душистое разнотравье) и земледелием.

Из архивной справки: « В 1860 году население Тюкалинского округа составило 25 тысяч человек; было три волости, в них 94 населенных пунктов. Однако, по сведениям землемеров волостей сообщалось, « что в Колмаковской волости еще можно поселить 7.052 мужских души. В Тюкалинский округ хлынул поток переселенцев. Из числа самых беднейших 46-ти мужских душ образовали Березовский поселок, 36 мужских душ поселились в деревне Шипачи и Окуневской.

Из воспоминания Николая Федоровича Лазаревич:

Из воспоминания Николая Федоровича Лазаревич:

- Окуневка, в те времена, представляло одну улицу с деревянными рубленными домиками, с соломенными крышами. Окуневцы жили дружно с жителями Березовки и Шипачей и называли эти деревни «треугольником» (так они были расположены друг к другу).

Так как в Окуневке было много переселенцев из Беларуссии, то позднее был образован колхоз «Беларусь». Я, с детства, даже помню

фамилии людей, проживавших в Окуневе: Лазаревич, Мясникевич, Сиплевич, Киклевич и другие (явно литовской национальности).

Председателем колхоза был Мясникевич Рузвель Иванович. В деревне была школа до 4 классов, клуб, где собиралась молодежь, магазин, говорили - «На деревне сервис триедин: школа, клуб да магазин».

Детей к труду приучали с малых лет. В шесть- восемь лет мальчуган боронил, пас скот, возил снопы или сено; в 14 лет вставал за соху, управлялся со скотом; в 18 становился уже настоящим работником и наравне со взрослыми участвовал во всех хозяйственных делах.

Всё это было...

В колхозе пахали и сеяли на быках, а во время войны на полях работали женщины и дети. А еще от колхоза посылали на лесозаготовку в Тевриз, люди часто убегали назад в колхоз, потому что там было и холодно и голодно, но стране нужен был лес и на каждого колхозника возлагали определенный план по заготовке леса.

Во время войны я, будучи подростком, не только работал погонщиком быков в поле, но и возил почту по деревням, забирая ее в Сажино. Особенно запомнился День Победы, когда мне было поручено развести Правительственные пакеты по бригадам, в которых было написано, что «Великая Отечественная война закончилась полной капитуляцией немецких захватчиков. ..» И сейчас стоит перед глазами тот эпизод, когда услышав так долго ожидаемую весть, что творилось с людьми: они кричали, плакали, смеялись, подкидывали вверх шапки! В Окуневке наша семья прожила до 1948 года, до возвращения отца Лазаревич Федора Ивановича с войны. Отца назначают Председателем сельского Совета в Сажино и наша семья выехала с Окуневки. Но помню, что до 1950 года в колхозе «Беларусь» состояла одна деревня «Окуневка». А затем началось укрупнение хозяйств и тогда деревни Окуневка, Половинки, Шипачи вошли в состав нового хозяйства с центром в д. Березовка, а в 1954 году их объединили в колхоз имени Будённого с центром в с. Сажино».

В деревне были крепкие хозяйства с амбаром, баней, конюшней. В свободное от работы время мужики занимались рыболовством и охотой. Свои огороды пахали на лошадях. В личных подворьях содержали коров, коз, овец, птицу, свиней держали мало.

В те годы все поля вокруг деревни засеивались пшеницей, овсом, ячменём, кукурузой. На колхозных землях при ферме выращивали овощи. Поэтому в деревне были трактористы. На лошадях развозили на поля к тракторам в железных бочках солянку. Зимой на лошадях вывозили перегной на поля.

Непоправимый ущерб малодворным селам нанесла разрушительная Великая Отечественная Война 1941-1945 гг. Из всех сел и деревень района ушли на фронт мужчины, и большинство из них не вернулось. Деревня лишилась рабочей силы, как говорили старожилы «обезмужила», в селе Окуневка: «После войны многие не вернулись. «Во время войны старые умерли, а молодые разъехались по более крупным деревням». В результате сократилось работоспособное, особенно мужское население в селах. Не хватало рабочего скота, тракторов, машин и др. видов техники. Колхозы имели примитивную производственную базу, работы выполнялись вручную и с помощью тягловой силы, были маломощны, полностью зависели от государства.

После войны реформы были продолжены. Началось объединение разрозненных мелких колхозов в один с целью укрупнения материально-

технической базы за счет объединения средств. Реформирование должно было ликвидировать последствия военного и послевоенного падения производства и продолжить начатый в 30-е годы процесс обобществления производства. В 1950 году началось массовое укрупнение колхозов. Не смотря на объявленный принцип добровольности, слияние колхозов не зависело от желания и интересов крестьян-колхозников, и носило принудительно-добровольный характер. В ходе слияния процесс миграции крестьян усилился.

Деревня начала пустеть с 1959 года. Официально её никто не расселял, но в середине 60-х её не стало.

Понимаю, что к старому нету возврата,

отзвенели твои бубенцы навсегда,

деревушка...

Но так ли уж ты виновата,

чтобы всё зачеркнуть, чем жила ты тогда?!

Исчезла деревня. Жители все разъехались. Пусто стало. Не слышно детей, беззаботно бегущих по деревенским улочкам. Не видно коров, медленно возвращающихся с пастбища домой. Цветочные луга заросли чертополохом и бурьяном. Там, где раньше царила кипучая деятельность - запустение и какая-то пугающая тишина.

Исчезла не просто деревня, исчезает неповторимый деревенский колорит. Он же в каждой деревне разный. К примеру, весной ребятишки всегда играли «в чижика», и даже в соседних сёлах правила отличались немного. Да вообще весь процесс игры был чуточку другим. Свадьбы игрались по-разному. Когда жених и невеста были из разных сёл, а это случалось сплошь и рядом, то свадебные обряды причудливо переплетались, и поэтому одна свадьба была не похожа на другую.

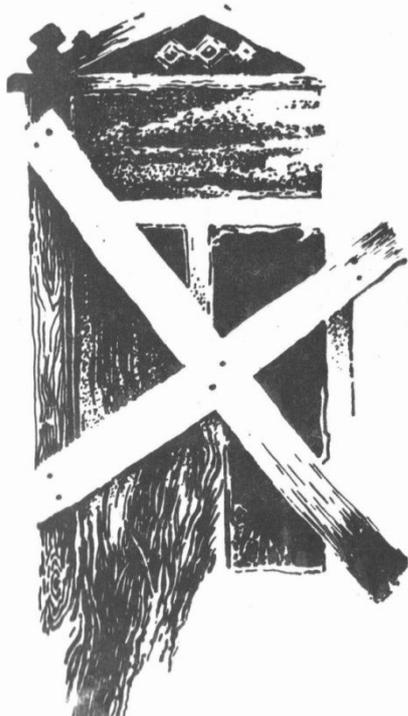
Вместе с людьми умирает оригинальный сельский говор. По тому, как человек говорит, как он проговаривает слова, сразу определяли, откуда он родом. Навсегда уйдут в прошлое деревенские легенды и предания. Они никогда не записывались, а рассказывать их станет просто некому.

Э. Асадов

**Умирают деревни, умирают деревни!
Исчезают навеки, хоть верь, хоть не верь.
Где отыщется слово суровой и гневней,
Чтобы выразить боль этих жутких потерь?!**

**Без печали и слез, будто так полагается,
Составляется акт, что с таких-то вот пор
Деревенька та "с данных учетных снимается"
И ее больше нет. Вот и весь разговор.**

ПОЛОВИНКА

История Половинки уже написана В. Барнатович. По материалам статей из газеты «Тюкалинский вестник»

Иду, иду... И вот наш дом.
Вернее, столб на месте том...
Я в это не могу поверить.
Бегу, гляжу, хочу проверить.
Вот здесь быть должен огород.
Но ничего в нем не растет...

Половинка – одно из старейших поселений в районе. История ее образования уходит в 1700-е годы и не соответствует 1892 году, указанному в архивах. Половинка могла быть основана

староверами ранее основания Тюкалинска.

В давние времена положение этой деревни казалось незыблемым, ибо располагалась она когда-то на удачном с географической точки зрения месте: именно здесь проходил Московско- Сибирский тракт – важнейшая транспортная артерия Сибири. Образовалась деревня в 20 километрах восточнее Тюкалинска, на половине пути до Нагибино – отсюда видимо и произошло ее название. Место для Половинки было выбрано в промежутке между лесами, на берегу озера, в привольном свободном краю..

Не было у местных жителей проблем с земельными участками, было им где сеять, пасти скот, косить траву, потому как просторные половинские поля простирались далеко вокруг деревни. Население Половинки, по современным понятиям было небольшое – в лучшие времена было в деревне около семидесяти дворов. Но был здесь и кожевенный завод, и магазин и школа. Расположение Половинки на оживленной транспортной магистрали

позволяло успешно вести торговлю местному купцу Волгину. Он сам здесь не жил, у него были доверенные люди, которые закупали для него скот, овец в основном в Казахстане и пригоняли в деревню. Здесь шел забой. И сейчас еще иногда в разговоре можно услышать про Сажина Моисея Павловича, он обрабатывал по 50 овец в день.

Строительство великого Сибирского железнодорожного пути и заложило, наверное, начало упадка этой деревни. Прошла железная дорога далеко от этих мест, и именно из-за нее утратил свое былое значение Сибирский тракт, а из-за этого застыли в своем развитии и Тюкалинск и близлежащие деревни.

Нагрянувшая революция 1917 года, гражданская война, установление Советской власти вынудили уехать из деревни купца Волгина, что способствовало упадку торговли, местные жители уже не обеспечивались в должной мере нужными товарами.

Начавшаяся в стране полунасильственная коллективизация долго обходила стороной Половинку. Но уже с 1929 года, времени начала образования колхозов, здесь как и повсюду, распространились слухи об этом. Привыкшие к самостоятельной жизни сельские труженики-единоличники боялись такого непонятного, чужого им явления. Особо беспокоились те, кто своим многолетним, тяжким трудом нажил крепкое, позволяющее безбедно жить, хозяйство, которое предстояло частично или полностью потерять. Пугали слухи о массовой падеже отобранного у людей скота из-за недостатка кормов и содержания в холодную погоду под открытым небом.

Такое неустойчивое, разлагающее души людское положение длилось несколько лет – до 1935 года. Довольно-таки богатая в то время деревня была взбудоражена. Именно эти обстоятельства дали резкий толчок оттоку населения из Половинки. Зажиточные крестьяне разбегались кто-куда: кто-то распродав имущество, в город, кто-то в уже образовавшийся по соседству колхоз, где за работу платили хоть какие-то деньги, кто-то подался в далекие края, на восток.

Ранней весной 1935 года коллективизация доползла и до Половинки, хотя во всех ближайших деревнях колхозы в это время уже существовали. Людей вынудили вступить в коллективное хозяйство. Здесь был образован колхоз имени С.М. Кирова.

В начале 40-х годов в Половинке осталось менее 30 дворов - почти в три раза меньше, чем в годы ее расцвета.

Общая для страны беда-начавшаяся Великая Отечественная война – словно беспощадным свинцом градом выбила из Половинки наиболее трудоспособную часть населения. 21-ее житель ушел на защиту Родины, 16 из них полегли на полях сражений, и только лишь 5 человек остались в живых – удручающая, горькая статистика. Но несмотря ни на что, деревня жила. Ушедших на фронт мужчин заменили на колхозных полях женщины и дети.

Вплоть до 1950 года в колхозе состояла лишь одна деревня. Затем началось укрепление хозяйств, Половинка вошла в состав нового колхоза вместе с деревнями Шипачи, Окуневка с центром в Березовке. А в 1954 году их объединили с колхозом имени Буденного с центром в селе Сажино.

Создалась масса неудобств для колхозников, многим из которых приходилось ездить на работу на отделения колхоза, в центральную усадьбу хозяйства. Эти неудобства, также как и коллективизация, подхлестнули отток населения из отдаленных от центра хозяйства деревень. Будто обидевшись на такие межхозяйственные манипуляции, жители Березовки, центральной усадьбы бывшего колхоза, разъехались практически за один год – эта деревня перестала существовать.

Постепенно выезжали люди и из других деревень, в том числе из Половинки. В начале 60-х годов здесь осталось уже только 13 дворов.

Укрупнение хозяйства продолжалось. В 1961 году колхоз им. Буденного, наряду с другими колхозами, присоединили к Тюкалинскому совхозу, включавшему теперь около двадцати населенных пунктов.

В Половинке закрылись и школа, и магазин. Детей пришлось теперь учить в ближайших деревнях, приходилось ездить за самым необходимыми товарами, и по-прежнему многие ездили на работу в Сажино, ставшее отделением совхоза.

Нет, мелкие деревни не ликвидировались насильственным путем. Просто для них создавались такие условия, что жители были вынуждены переселяться на центральные усадьбы. Проводилась политика укрупнения не только хозяйств и их отделений. Создавались препятствия и для содержания личных подсобных хозяйств.

Как карты в колоде, деревни, земельные и другие ресурсы перетасовывались из одного хозяйства в другое. Сами хозяйства часто изменялись, укрупнялись, переделывались. Словом, не было стабильности, не было у людей и уверенности в завтрашнем дне.

В конце концов, через четыре года после того, как Половинка вошла в состав Тюкалинского совхоза, вместо 13 дворов здесь остался только один. Да, с 1965 года деревня практически перестала существовать, здесь только жила семья Степана Ильича Горчакова, бывшего когда-то в послевоенные годы председателем местного колхоза.

Так прожил Степан Ильич вместе с женой Евдокией Григорьевной и детьми, на своей малой родине целых три года. Летом пас совхозный скот на раздольных половинских полях, зимой же приходилось как-то коротать недолгие дни и длинные, скучные вечера. Не было здесь ни электричества, ни радио, поэтому как на чудо смотрела вся семья на купленный однажды в Тюкалинске маленький транзисторный радиоприемник на батарейках. Не ощущалось теперь оторванности от мира, от людей, можно было хоть послушать новости.

В этом гостеприимном доме всегда тепло и радушно принимали всякого человека. Так хотелось Степану Ильичу, чтобы хоть чем-то привлекла его родная земля к себе людей. «Открыли бы здесь какое-нибудь месторождение – иногда мечтал он в разговорах с людьми. Но чуда не произошло, никто сюда не ехал. В конце концов, вынуждены были последние деревенские жители переселиться в деревню Сергеевка, расположенную в восьми километрах от родного дома. Так в 1968 году окончательно не стало Половинки.

Территорию деревни распахали и засеяли в первый же год пшеницей. И хотя задолго до того с территории Половинки вывезли горы перегноя на окружающие поля, но видно слишком много его здесь скопилось, и не по нраву пришлось зерновой культуре земля, безмерно удобренная многолетним деревенским перегноем. Хотя выросла пшеница необычно гигантской высоты, но мало было от этого проку – не вызрела эта прихотливая культура. Спohватились хозяйственники и поняли, что нужно выращивать на этой земле многолетние травы. И угадали, уж травы-то здесь растут отменные - высокие, сочные, дают богатый урожай.

И раскинулось сейчас на половинской земле безбрежное поле травы, в которой вырастают в богатый влагой год гигантские грибы-дождевики и целые колонии шампиньонов. Больше ничего не напоминает о бывшей деревне, лишь только опытный человек по явно заметной возвышенности, по структуре почвы сразу заметит, что было на этом месте деревня, и существовала она много лет.

А бывших половинских жителей, живущих сейчас в основном в районном центре и в Омске, влечет неведомой силой родной край. Кто-то из них приезжает на местное кладбище – почтить память предков, кто-то с более приземленными целями,- порыбачить на местном озере, пособирать грибов и ягод в богатых окрестных лесах. И, словно в награду за преданность, щедро наделяет их родная земля своими дарами.